

РЕВОЛЮЦИОННАЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

ПРОШЕДШИЙ ГОД СТАЛ ВО МНОГОМ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ АСПЕКТОВ БАНКРОТНОЙ ПРАКТИКИ, ЗАПОМНИВШИСЬ РЕШЕНИЯМИ ВЕРХОВНОГО И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДОВ, ПОВЛИЯВШИМИ НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СФЕРЫ. ВГ ОБСУДИЛ С ЮРИСТАМИ УВЕЛИЧЕНИЕ КОЛИЧЕСТВА ПРИВЛЕЧЕННЫХ К СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСМЕНОВ И РАСШИРЕНИЕ ПРАКТИКИ ОСПАРИВАНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ. ЕКАТЕРИНА ДАНИЛОВА

В 2021 году изменения законодательства о банкротстве, затрагивающие должников всех сфер деятельности, не были масштабными, однако было значительно углублено толкование норм права на уровне судебной практики, говорит управляющий партнер юридического бюро «Григорьев и партнеры» Александр Григорьев.

Руководитель практики реструктуризации и банкротства Savina Legal Элина Криклина констатирует, что сейчас окончательно закрепились практика, когда субсидиарная ответственность перестала быть исключительной и экстраординарной мерой, которой называет ее Верховный суд, а стала почти неотъемлемой частью банкротных процессов. «С учетом того, что процент удовлетворения требований кредиторов в делах о банкротстве крайне незначителен, законодатель и правоприменительная практика идут по пути расширения способов защиты прав кредиторов, в том числе путем привлечения контролирующих должника лиц к различным видам юридической ответственности. Сегодня этот механизм, наравне с оспариванием недействительных сделок, является главной целью всей процедуры банкротства и зачастую единственным способом удовлетворения требований кредиторов», — отмечает госпожа Криклина.

Статистика Единого федерального реестра сведений о банкротстве свидетельствует о росте количества поданных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности: если в 2017 году их было 3652, то в 2020-м уже 6635. Растет и число тех, кто к такой ответственности был привлечен: в 2017 году их количество составляло 969 человек, а в 2020-м — 3191.

УСТОЯВШИЙСЯ ХАРАКТЕР Управляющий партнер юридической компании «Один к одному» и арбитражный управляющий Даниил Наймушин говорит, что в прошлом году практика с привлечением к ответственности в рамках дел о банкротстве приобрела более устойчивый характер: «Впервые за долгое время мы наблюдаем гуманное отношение к лицам, входившим в органы управления, но не имевшим реальных полномочий по контролю либо действовавших строго в рамках своих полномочий без намерений для причинения ущерба». В случае прекращения дела о банкротстве практика, по словам господина Наймушина, только начинает формироваться. Среди ее черт — усиление ответственности за недобросовестные действия: сокрытие документов или вывод активов.

Активное развитие получила практика привлечения бизнесменов, исключенных из ЕГРЮЛ компаний, добавляет юрист: «Теперь руководители бизнеса обязаны доказать разумность и добросовестность своих действий, а суды, принимая во внимание существующие для кредиторов ограничения для сбора доказательств, все чаще оказывают действительное содействие в их сборе

ЕВГЕНИЙ ПЛАВЕНКО

СЕЙЧАС ОКОНЧАТЕЛЬНО ЗАКРЕПИЛАСЬ ПРАКТИКА, КОГДА СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОЙ И ЭКСТРАОРДИНАРНОЙ МЕРОЙ, А СТАЛА ПОЧТИ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ БАНКРОТНЫХ ПРОЦЕССОВ

заинтересованным лицам». По оценке господина Наймушина, практика в 2021 году развивалась по пути привлечения действительно недобросовестных руководителей и владельцев бизнеса, а риски привлечения для предпринимателей, бизнес которых просто не выдержал, становились все меньше.

Несмотря на сохраняющийся рост количества удовлетворенных исков о привлечении к субсидиарной ответственности, Верховный суд во втором полугодии взял тренд на недопустимость формальных подходов в таких делах и на установление справедливого баланса между правами и обязанностями кредиторов, арбитражных управляющих и контролирующих лиц, говорит юрист «Арбитраж.ру» Антон Кравченко.

Такой подход Экономическая коллегия Верховного суда (ВС) сформировала в определениях по делам о банкротстве АКБ «Балтика» и АКБ «Гринфилдбанк». Суд указал, что необходимо выявлять возможность у ответчиков оказывать существенное влияние на деятельность должника и отходить от формальной констатации факта наличия контроля у любого лица, входящего в структуру управления должником. Кроме того, ВС указал, что для привлечения к субсидиарной ответственности нужно установить негативные последствия такого влияния на компанию, а также то, что ответчик является выгодоприобретателем таких негативных последствий. «Это направлено на сужение круга потенциальных ответчиков и позволяет защитить от возможного привлечения к ответственности привлеченных специалистов, отдельных сотрудников должника, а также миноритарных акционеров и менеджмент среднего звена», — резюмирует господин Кравченко.

Запомнившимся оказалось и апрельское постановление Конституционного суда (КС) по делу Ивана Ревкова, которым он допустил при ряде условий изъятие единственного жилья у граждан-банкротов с

предоставлением взамен более скромного. КС ограничил исполнительский иммунитет, защищающий единственное жилье гражданина-должника от взыскания. Ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ не разрешает продать такое жилье для погашения долгов, даже если оно является очевидно роскошным. Это позволяет должникам приобретать недвижимость на заемные средства (без ипотеки), которые они не собираются возвращать. Такая проблема существовала много лет, и КС неоднократно указывал на необходимость корректировки ГПК, но Минюст и Госдума рекомендации игнорировали. В 2012 году КС прямо обязал законодателя определить пределы защиты единственного жилья и разработать порядок обращения на него взыскания, если недвижимость явно превосходит разумные потребности человека в жилище, а активы должника несоразмерны его обязательствам. Но за девять лет поправки в ГПК так и не были внесены. «Данным постановлением фактически была сломлена судебная практика Верховного суда, сформированная им в 2020 году, не позволявшая включать в конкурсную массу так называемое роскошное жилье банкротов с последующим предоставлением им замещающего жилья», — говорит господин Кравченко.

БОЛЬШЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ Впрочем, у участников банкротных процессов появляется все больше возможностей, чтобы повлиять на решение суда. В ноябре Конституционный суд России в своем постановлении по делу Николая Акимова разрешил контролирующим должника лицам (КДЛ) оспаривать включенные в реестр требования кредиторов. Руководители и владельцы компаний получают такое право в случае привлечения их к субсидиарной ответственности, что позволит влиять на сумму долгов в реестре, от которой зависит размер ответственности. В целом юристы сходятся в том,

что это позитивно повлияет на существующую практику. Так, по словам господина Наймушина, постановление позволило привлекаемым к субсидиарной ответственности лицам принимать активное участие в процедурах банкротства, хотя прежде процедуры банкротства носили для лиц, прямо не указанных в законе, скорее закрытый характер: «Суды формально относились к жалобам и возражениям контролирующих лиц, ссылаясь на то, что у них нет статуса участника дела о банкротстве, в связи с чем требования таких лиц фактически оставались без рассмотрения».

Александр Григорьев говорит, что применение постановления КС по делу Акимова на практике оценить пока сложно из-за малого количества прошедшего времени: «Уже можно спрогнозировать, что, безусловно, требования кредиторов будут оспариваться гораздо чаще, так как контролирующие лица, получившие право обжаловать судебные акты, будут всеми способами пытаться уменьшить объем субсидиарной ответственности». По оценкам господина Григорьева, это приведет к усложнению и удлинению банкротного процесса: привлеченные к субсидиарной ответственности лица будут обжаловать подавляющее большинство судебных актов по требованиям кредиторов как обоснованно, так и пытаясь недобросовестно затянуть процедуру.

В постановлении КС также указал, что федеральный законодатель вправе установить правовое регулирование, направленное на обеспечение баланса интересов всех участников правоотношений в рамках процедуры банкротства. Господин Наймушин думает, что комплексная реформа института банкротства нужна, а в данный момент на рассмотрении Государственной думы находится законопроект, предусматривающий полное реформирование банкротства в России. При этом юрист не считает, что необходимо четко прописывать, у кого должны быть те или иные права: «Это приведет лишь к раздуванию текста закона о банкротстве, который и так является чересчур большим и переполненным. В любом случае, разбираться в каждой конкретной ситуации будут суды на местах. Они и должны определять, нарушаются ли права и обеспечиваются ли баланс интересов тех или иных лиц исходя из каждой конкретной ситуации, как это было в деле Акимова».

По мнению господина Григорьева, разумные реформы в этой сфере важны и нужны, но для создания устойчивой и справедливой практики правоприменения также важны стабильность и предсказуемость правового регулирования. «Постоянные изменения законодательства идут на пользу, только если они тщательно обдуманы. В ином случае предприниматели лишаются возможности планировать свою деятельность в условиях непрекращающихся изменений», — заключает эксперт. ■